

Кафедра. Консультации

От редакции. Автор статьи «Социология» Джерард Деланти – один из тех, кто представляет современную социологию Британии. Статья писалась для энциклопедии, что требует от автора обращения к общим, фундаментальным, определяющим проблемам дисциплины, тенденциям ее развития за XVIII–XXI вв. от классиков до первого десятилетия нашего века. Хотя тексту около 15 лет, он полезен как документ истории социологии и как сравнение со складывающейся в наше время ситуацией. Статья дает материал к пониманию социологами своей дисциплины, ее места среди социальных наук и наук о человеке, стимулирует мысли о перспективах социологической науки. Конечно, рассматривать материал статьи необходимо с учетом обозначившихся в последние годы процессов в социологической науке – большие данные, цифровизация, «поворот на Восток» и др. Ряд поднятых в тексте проблем пока на периферии дискурса в отечественной социологии её дисциплинарных проблем, например последствия междисциплинарности, соперничество социологии с другими науками и др.

© 2023 г.

ДЖ. ДЕЛАНТИ

СОЦИОЛОГИЯ

ДЕЛАНТИ Джерард – профессор социологии и общественно-политической мысли Университета Сассекса, Соединенное Королевство, редактор «Европейского журнала социальной теории» (G.Delanty@sussex.ac.uk).

Ключевые слова: теория и история социологии • дисциплинарность • социология социологии • глобализация • публичная социология • вызовы социологии

DOI: 10.31857/S013216250022094-6

Социология – одна из многих форм социального исследования. Она, как и многие другие науки, – дисциплина спорная; нет общепринятого определения того, что такое социология. Но из этого не следует, что спорная и многогранная природа социологии означает отсутствие всякого самопонимания и дисциплина необратимо фрагментируется. Социологию в какой-то мере можно определять через примеры того, что на практике делают социологи; но ее можно определить, отсылая к дефинициям дисциплины известными учеными, к классике, методологическим подходам социологов. Для начала полезно рассмотреть социологию через призму ее предмета, подхода и работ классиков, формировавших дисциплину. У многих наук предмет четко определен, хотя часто это объясняют отсутствием методологической строгости и некритическим консенсусом; таково, например, распространенное мнение, что «прошлое» – это сфера историков, а политическая наука изучает «политику». В целом социологам труднее, чем другим ученым, защищать свою территорию, хотя они без колебаний вторгаются на территорию чужую. Можно полагать, что объект социологии – это все социальные отношения, или просто «общество», являющиеся, по Дюркгейму, реальностью *sui generis*. Будучи такой реальностью, социальный мир больше суммы своих частей. Что точно означают эти части, мнения об этом расходятся. Кто-то считает, что части – это социальные структуры, другие – что общество состоит просто из социальных акторов, а предмет социологии – социальное действие. Акцент на том, что целое больше суммы частей, привел некоторых социологов к мнению,

что социологию следует определять как изучение отношений между разными частями общества. Это убеждение отражено во взгляде на общество как на движение, процесс. И еще: социальная наука изучает современное (modern) общество.

В плане теории и методологии социология весьма разнообразна. Парадигм – а их Т. Кун считал характерными для истории науки – у социологии не больше, чем у других социальных наук. Можно сказать, антропология и экономика более плотно очерчивают свои методологические подходы, чем социология. Социологию можно описать как основанное на данных социальное исследование социального мира со своими концептуальными рамками и устоявшимися методологическими подходами. Но что такое данные – зависит от того, применяют ли количественные или качественные подходы, хотя они и не последовательно социологичны. Много спорят о научном статусе социологии, созданной как социальная наука, отличная от наук естественных и гуманитарных. Разница мнений о социологии сегодня несомненна в вопросе, какова позиция социологии по отношению к экспериментальным наукам и наукам о человеке. Все признают, что социология – третья наука, но согласия в вопросе точных границ ее территории меньше. Есть и вопрос отношения социологии к своему предмету: часть ли он объекта, как в традиции герменевтики; или он от объекта отделен, как в традиции позитивизма; или это способ знания, связанный со своим объектом политической практикой, как в радикальной традиции?

Любую дисциплину часто формируют фигуры её основателей и канонические труды классиков. Принято считать сегодня, что труды Маркса, Вебера и Дюркгейма придали социологии ее классическую рамку. Но может ли сегодня такой канон направлять исследование социолога, – крайне сомнительно; он скорее – часть истории социологии, хотя есть попытки делать классиков релевантными текущей ситуации [Shilling, Mellor, 2001]. Но такие попытки отражают неверно понятую связь истории дисциплины с ее реальной практикой. Классические труды не стоят вне времени в плане релевантности; они – референтные точки интерпретации настоящего и вехи истории дисциплины. Канон нестабилен; его не надо путать с социальной теорией. Парсонс в 1930-х гг. канонизировал Вебера и Дюркгейма как отцов-основателей; в 1970-е к ним прибавили Маркса – не в последнюю очередь усилиями Гидденса. Спенсер практически исчез; в 1980-е гг. добавился Зиммель; сейчас мы наблюдаем явление классиков современных – Бурдье, Бауман, Луман, Хабермас, Фуко. Есть и восстановленные классики – Элиас, Тард. При беглом взгляде видно, что многие из них не сразу становились классиками социологии, выдвинувшими свои проекты. Слово «становились» тут не преувеличение. Маркс себя не считал социологом. Вебер был историком экономики и вообще редко упоминал социологию. Фуко – несостоявшийся психиатр. Все они работали вне дисциплинарных границ. У Дюркгейма и Зиммеля понимание себя как социолога выражено сильнее.

Сегодня влияние Фуко на социологию напоминает, что социология не перестала меняться, вбирать влияния из-за пределов традиционной дисциплины. Умножение методологических и теоретических подходов не привело к усилению синтеза, консенсуса по поводу определения социологии. После так называемого культурного поворота социальных наук значимая часть социологии делается вне самой дисциплины – в культурных исследованиях, криминологии, женских исследованиях, исследованиях развития, демографии, в гуманитарной географии, планировании, других социальных и гуманитарных науках. Это все вело к росту междисциплинарности, но еще больше к постдисциплинарности, где дисциплины не просто вступают в контакт, но исчезают вообще. Немногие социальные дисциплины повлияли на спектр социальных и гуманитарных наук так, как социология, – что пробудило серьезные опасения растворения социологии в дисциплинах, которые частью она помогла создавать [Scott, 2005].

Истоки, траектории и национальные традиции. Сегодня социология все еще остается в тени своего происхождения. Как отметил Левин [1995], социология всегда обращалась к своей истории; все её крупные школы рисовали траектории собственной истории. Версии появления социологии часто неотделимы от попыток давать её определение.

В самом широком смысле социология возникала как вид знания, нацеленный на моральные проблемы времени. Истоки социологии восходят к открытию существования социального как некоей конкретной реальности, не зависящей от государства и частной сферы домохозяйств. XVIII в. знаменует возникновение социальной теории – особой формы изысканий интеллектуалов. Постепенно она отделилась от теории политической. Упадок придворного общества и взлет общества гражданского говорили о наличии социального как особого предмета сознания и рефлексии. До того момента не было ясно, из чего состоит «общество», в отличие от официальной культуры общества придворного. К XVIII в. выяснилось, что все же есть объективная социальная сфера, её можно называть «обществом» – по ассоциации с «публикой». Это совпало с появлением социологии.

Одним из первых крупных трудов при возникновении социологии был «Дух законов» Монтескье (1748), превративший политическую теорию в социологию. Главная тема этого труда: общество – источник всех законов. Общество проявлялось в виде регулятивных влияний на народ, создавая разные формы жизни. Дюркгейм утверждал, что понятие основополагающего духа (этоса), пропитывающего социальные институции, – постоянная тема всей социологической мысли после Монтескье; эта нить присутствует в «Протестантской этике и духе капитализма» Вебера. «Дух законов» показал социологическое понимание социальных законов как социально и исторически меняющихся, но не до той степени, когда человеческие общества не имеют ничего общего. По Монтескье, ясно видевшему разнообразие обществ, различными их делают прежде всего факторы географии, влияя на содержание норм, на мораль, характеры. Его эмпирический метод связал климат с социальными обычаями, уделил большое внимание материальным условиям жизни. Именно использование эмпирического метода при создании проверяемых гипотез восхитило Дюркгейма, оказав устойчивое влияние на французскую социологию Бурдьё и после него. Хотя Руссо принято считать одним из основателей современной политической философии, он предугадал многие теории социологии; он одним из первых идентифицирует общество как источник социальных проблем. В «Рассуждении об источнике неравенства» (1755) он утверждал: неравенство не природная, а социально заданная характеристика, к чему сами индивиды не причастны. Понятие «общей воли» – основанное на духе законов Монтескье – повлияло на концепт коллективных представлений Дюркгейма. Общая воля означала внешнюю нормативную и символическую силу коллективных верований. Важна в наследии Руссо теория общественного договора, можно сказать, первое представление об общности – основе общества и государстве как политической общности. В самом знаменитом труде «Общественный договор» (1762) он постулирует наличие социального договора при описании уз, делающих общество возможным.

На социологию как дисциплину сильно повлияла французская традиция, ибо во Франции социальная наука – там этот термин появился – более преуспела в качестве официально признанной деятельности. О. Конт пустил в оборот термин социология как знание социального порядка; ее он считал «королевой наук». Борьбу Конта за позитивистскую социологию нужно рассматривать в контексте, в котором социальное исследование в основном рассматривалось в духе спекулятивных подходов интеллектуалов времен Просвещения и слуг реставрированного старого режима. Вопреки негативной критике интеллектуалов, Конт желал видеть социологию позитивной наукой, основанной на данных, не на умозрительных суждениях. Но его наследие – это понимание социологии как королевы наук. В такое грандиозное видение социологии новая наука модерна не только включила позитивизм, но и стала вершиной в иерархии наук, их интегративной рамкой. Хотя многие поддерживали такие взгляды, идея социологии как интегративной, неспециализированной науки сохранила влияние как база представления о том, что наука социология не имеет своего предмета, а интерпретирует результаты других наук, будучи общей наукой об обществе. С XIX в. эту генеральную концепцию социологии связывали с проблемой морального порядка общества времен социально-политических потрясений Французской революции. Это заметно в социологии Дюркгейма, основные работы которого стали

реакцией на кризис морального порядка. Особо остро это видно в «Самоубийстве», одной из первых работ профессиональной социологии. Но это центральная тема и его «Разделения общественного труда». То есть можно сказать: французская традиция отражала общий взгляд на социологию как науку о социальных проблемах современного общества.

Нужно уделить внимание шотландским корням социологии, восходящим к моральным философам шотландского Просвещения; их можно считать ранними социологами, поскольку они признавали объективность общества [Strydom, 2000]. Здесь основы традиции – считать социологию общей социальной наукой нашего времени. «Очерк истории гражданского общества» (1767) Адама Фергюсона подчеркивал роль социального конфликта в терминах, резко отличных от повествования Дж. Гоббса о конфликте и эгоизме индивидов. У Фергюсона конфликт наций создает солидарность, делая возможным гражданское общество как универсальную норму. Он признает, что общество всегда больше суммы частей и никогда не сводимо к своим компонентам. Резким контрастом к доминировавшим идеям века было утверждение Фергюсона о том, что состояние природы само социально, а социальность дана от природы. «Происхождение различия рангов» Дж. Миллара (1770) – одно из первых обсуждений понятия *общественный класс* и, возможно, пионерный труд исторической социологии. Миллар и Фергюсон интересовались историей эволюции общества как модели прогресса. Но понятие прогресса высказано лишь в трудах Адама Смита. Смит превратил моральную философию в теорию политической экономии, связав её с теорией прогресса, – её влияние сохранялось более века. Прогресс общества прошел четыре исторические стадии, считал он: охотничье, пастбищное, земледельческое, коммерческое – соответственно средствам пропитания. Коммерческое общество основано на частной собственности и преследовании индивидуумом экономического интереса. Смит утверждал, что благосостояние коммерческого общества и даже сам факт общества определяются действием коллективной логики, названной им «невидимой рукой», обеспечивающей функционирование действий индивида как служения коллективным целям. Хотя Адам Смит стал символом *laissez-faire* капитализма, его интересы лежали в основном в сфере философии. Его надо понимать в интеллектуальном и политическом контексте века. Как и другие моральные философы Шотландии, Смит вполне сознавал контингентную природу человечества, которую никак нельзя объяснить естественными законами. Нормы морали и правила юстиции должны вырабатываться так, чтобы функционировать наилучшим образом в интересах общества, уменьшать зло и страдание. В этом плане Смит, Фергюсон и Миллар видели социологию моральной наукой о социальном мире, результатом чего стало отделение социального и природного друг от друга. Социология стала наукой о социальном.

С ранних истоков мысли Просвещения социология складывалась параллельно общей институционализации социальных наук: в конце XIX в. Франция шла впереди, дюркгеймианская традиция дала прочное основание современной французской социологии, построенное на сильной традиции эмпирических исследований. В Германию социология пришла позднее и была прочнее связана с гуманитарными науками. Если во Франции социология относительно не зависела от философии, то в Германии традиция гуманитарной социологии шла, с одной стороны, от философии неокантианцев, с другой – от гегельянского марксизма. Хотя Вебер порвал связь с психологией, важной чертой традиции неокантианства, германская социология осталась интерпретативной и погруженной в проблемы культуры и истории. Сам Вебер был историком экономики, точнее проблем бюрократии, но постепенно погружался в сравнительный анализ мировых религий и связи культурных и моральных смыслов с экономической активностью. Его труды – свидетельство веры в то, что социальное исследование может пролить свет на моральные ценности, которые и создают социальную сферу. Если германская социология в лице Вебера занималась проблемой субъективного смысла, то французской социологией двигала социальная мораль. По этой причине можно утверждать, вслед за Фуллером, что социология была как бы секулярной теологией. В основе и германской, и французской традиций лежит

видение социологии – за вычетом позитивизма Конта – как общей социальной науки современного общества.

По Т. Парсонсу – в его классическом труде современной социологии «Структура социального действия» – Гоббс и Локк формулировали основную тему социологии как проблему социального порядка. Но нельзя говорить о британской социологической традиции до шотландских мыслителей Просвещения, упомянутых выше. Гоббс и Локк – символы политической теории, не повлиявшие на социологическую мысль.

Современная британская социология начиналась трудами таких викторианских либералов-реформаторов, как Дж.С. Милль и Г. Спенсер. Хотя Спенсер порвал с утилитаризмом Милля, его биологический эволюционизм породил ограничительный подход, ныне практически дискредитированный. В целом британская социология сформирована видением социологии как социальной науки, занятой конкретными проблемами. В основном доминировал тренд считать, что социология изучает классы и классовую структуру. Социальные отношения и соответственно социальные институты: классовая мобильность, труд и промышленность, образование, бедность, социальные проблемы, ставшие на десятилетия символом социологии, конечно, тесно связаны с индустриальным обществом и политическими ценностями, которые оно культивировало. На современную британскую социологию сильно влиял марксизм. Еще одной британской традицией в социологии стала связь с социальной политикой, отраженная Хобхаузом и Лондонской школой экономики, где социологию тесно связали с социальной политикой. К этой традиции относятся Т.Х. Маршалл и то, что примерно можно назвать социальной наукой, связанной с политикой. В британской традиции практически нет понимания социологии как общей социальной науки, характерного для континентальной Европы. Но в основном современная британская социология – продукт традиции континентальной Европы, пришедшей в Британию после 1930-х гг. Такие социологи, как Н. Элиас, К. Мангейм, приехавшие из Германии, Дж. Рекс из Южной Африки, придали британской социологии свой характер, несводимый к конкретной традиции. Конечно, есть еще марксистская традиция, идущая от самого Маркса, жившего в эмиграции в Лондоне. Тем не менее британская социология все же отражает взгляд на социологию как – отчасти – имеющую особый предмет: класс и социальная структура.

Без сомнений, международный престиж социологии XX в. немыслим без гигантской экспансии и институционализации её в США. Американская социология росла из экономики, став профессиональной относительно рано – с основанием Американского социологического общества А. Смоллом и другими в 1905 г. Общество, переименованное в 1959 г. в Американскую социологическую ассоциацию, фактически откололось от Американской экономической ассоциации. Смолл, Ч. Хортон Кули и У. Томас – самые влиятельные фигуры в создании американской социологии, тесно связанной с американской философской традицией прагматизма – как минимум до 1940-х гг. Сравнимый с заботой британских реформаторов о социальной политике, прагматизм отражал веру в публичную роль социальных наук. Ранняя американская социология, таким образом, формировалась в духе научного знания как помощника в решении социальных проблем [Lynd, 1939]. XX век, однако, увидел более выраженную профессионализацию американской социологии, отбросившей реформистские корни. С одной стороны, развилась сильная традиция эмпирической социологии, в основном квантитативной и часто свободной от ценности до того, что прекращала быть чем-либо большим, чем проверка гипотез. С другой стороны, развилась традиция «гранд»-теории, связанная с Парсонсом, но редко пересекавшаяся с эмпирической традицией. Вне этих традиций находились остатки прежней традиции прагматизма – в социологии символического интеракционизма Дж.Г. Мида.

Краткий обзор истории социологии ряда крупных стран говорит нам, что ни одна из национальных традиций не одержала верх и внутри всех этих традиций есть соперничающие традиции. Это дало повод ряду критиков заявлять, что социология не состоялась. Горовиц [1993] жалуется, что социология в кризисе из-за специализации

и сверхполитизации; социология распадается, потеряв дорогу; взгляды великих классиков социологии больше не убеждают; дисциплина лишена единства. Большая часть того, что считалось социологией, утверждал он, просто нетеоретические кейс-стади. Такие пессимистические взгляды часто зависят от того, верит ли автор, что социология строится на некоем едином методе, взгляде, обеспечившем дисциплине некий фундамент, считает он. Но говоря так, вероятно, мы требуем слишком многого. Конечно, верно, что нет единой школы/метода, определяющей дисциплину. Но то же можно сказать о большинстве социальных и гуманитарных наук. Было бы сверхупрощением характеризовать историю социологии как процесс расползания, фрагментации некоего внутреннего единства, как гарантии любой дисциплины. Классическая традиция не унифицирована, значительная часть ее рефлексий создана дисциплиной, менявшейся в ответ на перемены природы общества.

Институционализация социологии прошла три этапа: доинституциональный до первых лет XX в.; полоса институционализации и дисциплинарной специализации; нынешний период постдисциплинарности. Выше показано, как социология возникала из разных национальных традиций социальной науки. В XIX в. только Конт, Спенсер, позже Дюркгейм использовали термин *социология* при описании конкретного способа социального исследования. Даже у Дюркгейма был доинституциональный период. Кафедра Дюркгейма была связана с образовательной мыслью, большая часть его социологии развивала идеи экономики, психологии, философии, права и истории. На этом раннем этапе дисциплинарная идентичность социологии складывалась в основном вокруг проблем ее научного статуса. «Правила социологического метода» Дюркгейма (1895) предложили первый систематизированный очерк социологии как научного поиска. Вебер в «“Объективности” социально-научного и социально-политического познания» (1904–1905) показал, в чем заключена объективность социальной науки [Weber, 1949]. В этих работах, несмотря на разные перспективы и подходы, социология предстает эмпирической наукой, основанной на объективном знании фактов. Обе работы (у Вебера четче) признают: научный статус социологии ограничен, что очевидно в попытках Вебера уточнять в неокантианском духе пределы объективности; но социальная наука все же может достигнуть объективного знания. Этот спор длился до 1960-х гг., когда неопозитивисты философы К. Гемпель и Э. Нагель дали новые оправдания попыткам социологии получить научный статус. Результатом некоторых из таких попыток стало сжатие масштаба социологии до проверяемых гипотез при открытии законов общества [Adorno et al., 1976]. Если социологию толкали, с одной стороны, в группу естественных, экспериментальных наук, она – с другой – оставалась союзником наук гуманитарных. Двоение социологии порождало неясное отношение к социальной и публичной политике, в результате чего проявлялась тенденция социологии вступить в период институционализации относительно деполитизированной.

Институционализация социологии совпала с формированием дисциплин в XX в. Одним из первых заявил о социологии как профессии Вебер в «Социологии как призвании и профессии» (1918), хотя и обратился к более общему вопросу приверженности науке как виду приверженности, отличному от политики. Это важное заявление о профессионализации социологии. Понятие *Veruf* подразумевает идею социологии и как профессии, и как призвания – призыв, требующий неких жертв, одной из которых стал поиск наукой ответов на фундаментальные моральные вопросы. Как наука, социология дает объяснения социальных феноменов, а также, по мнению Вебера, играет роль гида социальной политики.

При своем формировании социологии пришлось соперничать с естественными науками. Поскольку социальная наука завоевывала общее признание как область, отличная и от наук гуманитарных и естественных, обнаружилось, что самые серьезные вызовы для социологии фактически проистекают от более устоявшихся социальных наук [Lepenies, 1988]. В Британии престиж антропологии заслонил социологию. Старые дисциплины – география, экономика, как и политическая наука, – стремились стать престижнее социологии, которая никогда не располагала такой мерой опоры на национальное государство.

Надо помнить, что во многом своим существованием социальная наука обязана государству: это наука социальных институтов современного государства.

Институционализация социологии в полной мере развернулась лишь после Второй мировой войны с экспансией этой дисциплины, сопровождавшей рост массового высшего образования. Профессионализация и институционализация социологии отмечены основанием научных журналов «*American Journal of Sociology*» в 1895 г. и позднее – «*American Sociological Review*». Профессиональные ассоциации – Американская социологическая ассоциация и Британская социологическая ассоциация (создана в 1951 г.), заметно продвинули профессионализацию социологии как дисциплины, которая затем прошла стадию внутренней дифференциации – появление новых субполей от социологии города и индустриальной социологии до политической социологии, исторической социологии, культур-социологии. К 1960-м гг. социологию все чаще преподают в средних школах, в 1970-х ее включили в аналог аттестата зрелости школ Британии. 1960–1970-е гг. стали свидетелем резкого расширения набора студентов на специальность, учебных и исследовательских карьер. В эти годы правительства признали социологию как крупную социальную науку; было создано много кафедр. Крупные национальные исследовательские фонды сделали социологические исследования престижными для университетской системы. В США свыше 200 социологических журналов; в профессиональной ассоциации около 14 тысяч членов; специализируется по социологии студентов (25 тыс.) больше, чем по истории и экономике [Bugarwoy, 2005]. Социология, одна из главных социальных наук в университетах мира, все чаще считается самой полной наукой об обществе. Кто-то видит в этом источник силы; другие – опасность превращения в псевдонауку без предметной специализации; социологи – узкие специалисты перестают быть социологами. Философы-неопозитивисты пытались сдержать опасные сверхгенерализации, когда растущая политизация дисциплины вследствие расширения социальной базы породила опасения по поводу слишком тесной связи социологии с радикалами, подобными марксистам.

Ряд влиятельных социологов открыто бросили вызов институциональной социологии. Первый этап, этап борьбы за институционализацию, завершившийся в 1970-е гг., отмечен призывами к политической ангажированности социологии с повседневной жизнью. Гоулднер в 1970 г. считал, что социологию нужно переориентировать так, чтобы она стала релевантной обществу. По его мнению, социология прошла четыре этапа: французский социологический позитивизм XIX в.; марксизм; классическая европейская социология; наконец, американский структурный функционализм Парсонса. Современной социологии нужно формировать новое видение, основанное совсем на ином смысле ее моральной цели. Для Гоулднера это должна быть рефлексивная социология, радикальная своим проектом и связью социологии с жизнью людей. Цель социологии – сделать людей способными осмыслить общество и связать свою жизнь с широким контекстом общества.

Поворот к рефлексивному пониманию социологии присутствует в «Социологическом воображении» Ч.Р. Миллса (1959), весьма популярной книге 1960–1970-х гг. Социологи, подобные Миллсу и Гоулднеру, были против деполитизации социологии в США. Они хотели вернуть ей моральную цель, утраченную с институционализацией и размножением специальных субполей. Подход Миллса к социологии и сейчас релевантен: «Социологическое воображение позволяет осознать историю и биографии, а также отношение между ними в обществе. Это задача и перспектива социологии» [Mills, 1970: 12]. Эта концепция оппонировала теории общего уровня, а также социальным исследованиям в интересах управленцев. Миллса более всего вдохновляла американская традиция прагматизма, критики социальной науки, отрезанной от практических целей улучшения социального благосостояния.

Видение социологии Миллсом близко континентальной европейской концепции социологии как некоего диагноза эпохи. В такой традиции, представленной широким кругом социологов Франкфуртской школы и гуманистической традицией западного марксизма, социология связана с социальным обновлением, прежде всего через попытку критики. Как это представлено программными мыслями Т. Адорно, социология должна вернуть

себе свою миссию в философской мысли как одна из форм критической мысли. Адорно считал неопозитивизм вредным для социологии, обещающей стать ведущей критической наукой в обществе, названном в трудах Даниела Белла и Алена Турена «постиндустриальным». Хабермас (1978) представил основы взгляда на социологию как критическое знание, связанное с интересом к эмансипации человека.

Начиная с 1970-х гг., с ростом и институционализацией социологии как дисциплины, вопрос научного статуса социологии стал менее важен. Хотя социологов-количественников по-прежнему отделяли от коллег, державшихся гуманитарной традиции, крупные методологические различия, социология оказалась слишком широкой, чтобы объединиться вокруг единого метода. С консолидацией дисциплины социология развивалась по многим направлениям. Масштабный приток женщин в социологию 1980-х гг. неизбежно вел к различиям в акцентах, феминистские подходы складывались вокруг новых исследовательских полей, которые, в общем, ориентировали социологию в направлении культуральных проблем – идентичности, гендера, биографии. Сдвиг от индустриальных к постиндустриальным обществам и рост влияния глобализации вели к ряду подвижек в объекте социологии. Без общего метода, единой теоретической традиции результатом стало то, что социологию потянуло в разные стороны. Хотя это привело к некоторым слабостям, здесь есть и источник силы. Сегодня у социологии много разных подходов, в целом представляющих влиятельную сумму методологий и теорий, оказавших заметное воздействие на широкий круг наук об обществе и человеке.

Как дисциплина, остро сознающая всю реальность общества и исторический контекст, социология стала более гибкой, чем многие науки. Это особо заметно в факте «культурного поворота», выражением которого стал постмодернизм. Социологи выделялись разработками новых рамок, основательно двинувших вперед научное понимание социального мира. Достаточно вспомнить влияние таких социологов, как У. Бек – идея общества риска, П. Бурдьё – габитус и формы капитала, Э. Гидденс – структура и агентность, Ю. Хабермас – модерн и теория коммуникативного общества, Э. Соя (Soja) – пространство, Б. Латур – наука и технологии, Н. Луман теория систем, М. Кастельс – информационное общество, Р. Робертсон – глобализация, Б. Тернер – гражданство. Социология, в частности социальная теория, сыграла ведущую роль в переориентации гуманитарной географии на пространство. Большая часть городской географии сегодня заново открывает социологические подходы к городу. Сдвиг антропологии с изучения примитивных обществ на современные западные сделал ее более или менее неотличимой от социологии. Антропология, в прошлом располагавшая большим престижем, можно утверждать, прошла через гораздо более серьезный кризис самоопонимания, чем социология. В таком контексте прогресс культурной и новой истории, а также культуральных исследований может считаться относительно новой междисциплинарной сферой, тесно связанной с социологией.

Но за все надо платить. Часть социологии сегодня вне социологии. Становясь, с одной стороны, более специализированной, с другой – более влиятельной, она в результате легко теряет специфику идентичности. Так, под влиянием социологии на криминологию, в рамках которой сейчас осуществляется большая часть специализированных исследований преступности, криминология – в сущности – не социологична, а междисциплинарна. В 1970-е гг. Н. Элиас жаловался на «псевдоспециализацию» и уход социологов в субсферы, заметив, что происходящее в социологии уже случалось с другими дисциплинами. Вопрос лишь времени, писал он, «когда строительство крепости завершится, а мосты будут подняты». Подобно многим социологам континентальной Европы, Элиас держался взгляда Конта на социологию как дисциплину с выраженными чертами генерализирующей (general) науки. Вопреки сопротивлению Элиаса специализации, социология все же подверглась специализации, а, можно полагать, социальная теория переняла общую концепцию социологии. Но специализация, пришедшая в социологию, породила опасения, что социология, собственно, не может быть специализированной наукой, поскольку делает

то, что она делает, это лишь подготовка почвы под иные специализированные междисциплинарные области. То есть специализированные социологические исследования идут только вне самой дисциплины – это случай социологов без социологии. Одни это считают концом социологии, другие – окном возможностей для постдисциплинарной социологии, которой не следует прикрываться ложным чувством своей безопасности как дисциплины. Дж. Урри [1981], например, считает, что у социологии нет конкретной дисциплинарной области в плане метода или предмета и что она часто (и неизбежно) «паразитирует» на других науках. Следовательно, ей нужно перестать думать о себе как науке об обществе и вступить на непонятную территорию постдисциплинарности [Urry, 2000]. Это спорная позиция; ряд авторов выступили в защиту социологии, выдвинув идею публичной социологии [Agger, 2000; Burawoy, 2005], попытавшись оживить социологическое воображение [Scott, 2005; Fuller, 2006]. С другой стороны, позиция Дж. Голдторпа [2002] сводит роли социологии к узкометодологической науке. Не есть ли это вариант «дисциплинарного местничества», «империализма», как писал Э. Сойер [2000]?

Текущие вызовы. Ясно, что социология сейчас стоит не перед теми же вызовами, что сто лет назад; нет вопроса о научном статусе дисциплины и необходимости демаркировать пространство между естественными науками и науками о человеке. Некоторые крупные споры второй половины XX в. сохраняют важное значение для поля социологии – связь макро- с микро-, агентность и структура, методы количественные и качественные, природа теории и ее отношение к эмпирическим исследованиям, вопрос нормативной критики, статус данных и пределы объяснения и т.д. В последнее время дебатировались три крупных направления, затронув нынешнее положение социологии полнее, чем прежние вопросы методологии и теории: вопрос предмета социологии в свете глобализации; вопрос дисциплинарности; дебаты о публичной функции социологии. Как наука об обществе социология всегда была спорным поиском.

Многие крупные споры шли вокруг более общих вопросов природы метода и масштаба социальной науки. Дебаты вокруг предмета социологии в основном разрешаются через проблемы познаваемости социального мира. В последние годы всплыла еще одна проблема – самой концепции социального [Gane, 2004]. В какой-то мере это вызвано крупными переменами в самом определении общества. Если в целом классическая социология считала общество характеристикой национальных государств, сегодня это не совсем так. Подчеркну: хотя приравнение классической социологии к национальным обществам преувеличивалось, нет серьезных сомнений, что возникла социология как наука о современном индустриальном национальном государстве. Традиция компаративистики в социологическом анализе, историческая социология Вебера, значительная часть марксистской социологии напоминают о глобальных устремлениях социологии. Но как институциональная социальная наука социология в основном строилась в рамках национальных параметров. Самая крупная – в сравнении с другими – концентрация во второй половине XX в. социологических исследований в США сделала социологию наукой о социальном порядке и национальном консенсусе. Национальные институциональные рамки остаются первичными в профессиональной аккредитации, обучении, финансировании, исследованиях; но глобальное измерение выходит на первый план. Международные объединения – Международная социологическая ассоциация, Европейская социологическая ассоциация и др., сейчас предлагают иной контекст глобальным исследованиям.

На деле, большая часть того, что можно назвать глобальной социологией, лишь продолжает традицию компаративистики, что назвать «международной» точкой зрения на социологию. Но тогда мы упустим более глубокую трансформацию, являющуюся также отражением трансформации самого социального. Многие социальные теоретики (напр., [Urry, 2000]) утверждали, что социальное находится в упадке, другие говорили, что социальное не совпадает с понятием общества, понимаемым как пространственно связанная единица. Очевидно, что, вопреки некоторым из таких далеко идущих заявлений, мир социального находится в состоянии крупных трансформаций, а понятие общества

нуждается в существенной переоценке [Smelser, 1997]. Насколько действительно новы такие процессы, остается предметом споров. Сильным аргументом тут может быть рассмотрение текущих процессов как части долгосрочного процесса сдвигов и трансформаций в природе современности. Более нельзя рассматривать социальный мир просто в терминах национальных структур, влияющих на жизни индивидов. Это глобальные силы, они взаимодействуют с локальным сложными способами. Поворот современной социологии к глобальности – это никоим образом не опровержение социологии, даже если некоторые классические подходы неадекватны потребностям сегодняшнего дня. Более того, из всех социальных и гуманитарных наук социология – с ее богатой традицией теории и методологией – особенно отвечает нынешнему глобальному контексту. Одно замечание, чтобы подчеркнуть релевантность социологии. Если глобализация влечет за собой интенсификацию социальных отношений по всему миру, главная задача социологии – создание и устойчивость социального мира – весьма приемлема и значима. Это подводит прямо ко второму вызову – вопросу дисциплинарности. Как сказано в документе Комиссии Гульбенкяна по «Реконструкции социальных наук», «быть социологичным – не исключительная компетенция лиц, именуемых социологами. Это обязанность всех социальных ученых» [Mudimbe, 1996: 98]. Означает ли это конец социологии? Конечно, так считали многие. Они видят социологию исчезающей в новых междисциплинарных областях и физически неспособной более управлять дисциплинарной специализацией ввиду своей предельно общей природы. Это слишком пессимистический взгляд, т.к. доклад Комиссии Гульбенкяна также подчеркивает, что та же ситуация в других науках: история – не сфера исключительно историков, экономические вопросы – не компетенция исключительно экономистов. В эпоху растущей междисциплинарности социология не одинока в заботе о необходимости переориентироваться, выйти за пределы узких ограничений дисциплинарности. Политическая наука едва ли монополист в политике. Социология сейчас существует частично внутри других дисциплин, в частности в новых постдисциплинарных областях, которые созданы с ее же помощью, но она также существует сама по себе как постдисциплинарная социальная наука. Сегодня очевидно, что социология обретает дисциплинарные, междисциплинарные и постдисциплинарные формы.

Хотя большая часть социологии мигрировала в другие науки, социология сегодня также все больше поглощает влияния других наук. Обзор наиболее влиятельных трудов нашей дисциплины отмечает большое число тех, что написаны несоциологами [Clawson, 1998]. В этом нет ничего нового: с самого начала социология вбирала в себя другие дисциплины. Конечно, это неоспорно, как и споры о влиянии культуральных (cultural) исследований на социологию [Calhoun et al., 2001]. Социология хороша взаимодействиями с другими науками. Значительная часть современной социологии построена на точке зрения, что социология как наука инкорпорирует специализированные результаты других наук в свои рамки. Как считает Фүллер [2006], сегодня эти взаимодействия должны включать биологию, способную сейчас объяснить многое из социальной жизни. Социологии нужно разобраться с некоторыми из претензий биологии на объяснение социального мира и выдвинуть иные положения. В этом плане междисциплинарность и постдисциплинарность следует считать не концом социологии, а окном возможностей для социологии решать новые проблемы.

Одна из таких проблем – публичная функция социологии. Специализация социологических исследований, исходя из норм профессиональной социологии, привела к маргинализации её публичной роли. М. Буравой заявил об этом в президентском докладе Американской социологической ассоциации 2004 г., открыв большие дебаты о будущем социологии [Burawoy, 2005]. Публичная социология «развелась» с профессиональной; им нужно воссоединиться, убеждает он. Публичная социология призывает, в частности, профессиональную социологию вернуться в сферу широкой публики и формировать публичные дебаты, что может вызвать переориентацию профессиональной социологии по мере появления новых проблем. Но, говорит Буравой, нет социологии публичной без

социологии профессиональной, поставляющей ей испытанные методы и теоретические подходы, концептуальные рамки и накопленный корпус знаний. Публичная социология близка политически релевантной социологии, которая в большей степени применима к решению проблем, поднимаемых государством и другими политическими акторами. Публичная социология шире, она более дискурсивна и действует в публичной сфере. Буравой также проясняет различие между публичной и критической социологиями. Последняя – способ саморефлексии по поводу профессиональной социологии, в основном ведущейся в интересах самой дисциплины, в отличие от социологии публичной. Критическая социология играет нормативную роль для дисциплины. Критическая и профессиональная социологии существуют для коллег; публичная и политически релевантная – для более широких аудиторий. Конечно, многие из этих ролей дублируют друг друга, что проявляется в связи социологии критической с публичной социологией.

По мнению многих, одна из функций социологии – поднимать уровень самопонимания общества. Адорно [2000], например, считал, что, хотя в общем смысле социология может заниматься изучением общества, общество как таковое не является данной, четко определенной областью, которую можно свести к набору «социальных фактов», как полагал Дюркгейм. Скорее, общество состоит из разных процессов и конфликтующих интерпретаций. Социологию можно определить с точки зрения критического анализа этих дискурсов таким образом, чтобы способствовать более широкому самопониманию. Этот взгляд на социологию повторяли Миллс (1970) и Хабермас (1978). Несколько по-иному он замечен в осторожной защите Скоттом (2005) и Фуллером (2006) дисциплинарной социологии. Это значит, социология должна быть релевантной; она должна быть способной обращаться к крупным социальным проблемам [Agger, 2000]. Несомненно, это значит, что социология должна быть способной ставить большие вопросы. Успех социологии до сих пор был в небольшой степени обязан ее несомненной способности обращаться к крупным вопросам, особенно тем, что относятся к повседневной жизни.

Закключение. Социология – единственная наука, специально занимающаяся изучением общества в широком смысле слова, обозначающего социальный мир и открытое поле социального. Как у многих социальных и гуманитарных наук, у нее нет четко определенного предмета. Эта ситуация часто порождает ожидания кризиса. Сегодня социология часто встает перед тремя крупными выборами. Один – это классическое видение некоего поля, основанное на интерпретации результатов других наук с точки зрения общей науки об обществе, гарантируемое канонизированным социологическим наследием. Второй выбор делают те, кто отвергают первый как слишком общий, паразитический и не имеющий четко маркированного специализированного поля, считая, что социология должна ограничить себя узкой территорией, основываясь на четко определенной концепции социологических исследований и дисциплинарной специализации. Третий – те, кто отвергают высокоспециализированное понимание социологии и противятся генерализирующему пониманию социологии, стремятся обратиться к постдисциплинарности, что не ограничит традиционную дисциплину и имеет место в основном вне социологии. Это ложные дилеммы, несмотря на факт крупных вызовов, от которых не уйти. Междисциплинарность сегодня неизбежна для всех наук, что не должно означать исчезновения социологии, – не более, чем иных дисциплин. Также трудно делать заключение, что социология существует лишь в постдисциплинарном контексте. Но очевидно, что социология не может вернуться к классической форме общей науки. Социология – многогранная устойчивая дисциплина многих форм. Одна из ее давних характеристик такова: она вносит в исследование социального мира общую перспективу, созданную признанием того, что сумма больше своих частей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Adorno T.W. (2000) Introduction to Sociology. London: Sage.
- Agger B. (2000) Public Sociology. New York: Rowman & Littlefield.
- Burawoy M. (2005) For Public Sociology. American Sociological Review. No. 70(1): 4–28.
- Calhoun C., Rojek C., Turner B. (eds) (2005) Handbook of Sociology. London: Sage.
- Clawson D. (ed.) (1998) Required Reading: Sociology's Most Influential Books. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Fuller S. (2006) The New Sociological Imagination. London: Sage.
- Gane N. (ed.) (2004) The Futures of Social Theory. New York: Continuum.
- Goldthorpe J. (2002) On Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Gouldner A. (1970) The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books.
- Habermas J. (1978) Knowledge and Human Interests, 2nd ed. London: Heinemann.
- Horowitz I. (1993) The Decomposition of Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Lepenies W. (1988) Between Literature and Science: The Rise of Sociology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levine D. (1995) Visions of the Sociological Tradition. Chicago: University of Chicago Press.
- Lynd R. (1939) Knowledge for What? The Place of Social Science in American Culture. Princeton: Princeton University Press.
- Mills C.W. (1970 [1959]) The Sociological Imagination. London: Penguin.
- Mudimbe V.Y. (ed.) (1996) Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford: Stanford University Press.
- Sayer A. (2000) For Postdisciplinary Studies: Sociology and the Curse of Disciplinary Parochialism and Imperialism. In: Eldridge J. et al. (eds) For Sociology. Durham: Sociology Press.
- Scott J. (2005) Sociology and its Others: Reflections on Disciplinary Specialization and Fragmentation. Sociological Research On Line 10.
- Shilling C., Mellor P. (2001) The Sociological Ambition. London: Sage.
- Smelser N.J. (1997) Problematics of Sociology. Berkeley: University of California Press.
- Strydom P. (2000) Discourse and Knowledge: The Making of Enlightenment Sociology. Liverpool: Liverpool University Press.
- Urry J. (1981) Sociology as a Parasite: Some Vices and Virtues. In: Abrams P. et al. (eds) Practice and Progress: British Sociology, 1950–1980. London: Allen & Unwin.
- Urry J. (2000) Sociology Beyond Societies. London: Routledge.
- Weber M. (1949 [1904–5]) Objectivity in Social Science and Social Policy. In: The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL: Free Press.
- Weber M. (1970) Science as a Vocation. In: Gerth H., Mills C.W. (eds) From Max Weber. London: Routledge & Kegan Paul.

*Перевод Н.В. Романовского,
гл. науч. сотрудник ИС ФНИСЦ РАН*

SOCIOLOGY**DELANTY G.**

Gerald DELANTY, Prof. of Sociology and Socio-Political Thought, University of Sussex, Editor of the European Journal of Social Theory, United Kingdom (G.Delanty@sussex.ac.uk).

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – д. ист. н., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, проф. Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socs@isras.ru).
